
В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско- французского пакта о взаимопомощи (1933–1935)

Александр Вершинин

**In the labyrinth of collective security: Soviet diplomacy and the origins
of the Soviet-French mutual assistance pact (1933–1935)**

Aleksandr Vershinin

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722050144, EDN: KLUFMS

Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны по сей день остаётся одной из наиболее острых тем как в историографии, так и в информационном пространстве. Важный сюжет дискуссий – непростые взаимоотношения между СССР и его будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Провал планов создания фронта держав, заинтересованных в сохранении *status quo*, оказался важным катализатором войны – он развязал А. Гитлеру руки, создав у того иллюзию возможности разгромить противников поодиночке.

Однако усилия по налаживанию сотрудничества перед лицом реваншистской политики Германии предпринимались. Первой попыткой объединения сил ведущих европейских государств стал советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г. Союз двух стран, располагавших крупнейшими вооружёнными силами на континенте, мог в зародыше ликвидировать гитлеровскую угрозу. Однако он остался на бумаге и к 1939 г. фактически не действовал. Истоки соглашения и причины его неудачи давно изучаются специалистами¹, но кон-

---

© 2022 г. А.А. Вершинин

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.».

¹ История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. В.П. Потёмкина. М., 1945; Манфред А.З. К истории советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г. // Французский ежегодник, 1961. М., 1962; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976; Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2: 1917–2002 гг. / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002; Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 2003; Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М., 2009; Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М., 2011; Хормач И.А. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.; СПб., 2017; Айпанетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М., 2020; Scott W.E. Alliance against Hitler. The origins of the Franco-Soviet pact. Durham (N.C.), 1962; Mourin M. Les relations franco-soviétiques de 1917 a 1967. P., 1967; Duroselle J.-B. La Décadence, 1932–1939. P., 1979; Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933–1939. L., 1984; Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques, 1932–1935 // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2005; Carley M.J. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 17. 2006. Issue 2; Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009; Steiner Z. The triumph of the Dark. European international history, 1933–1939. Oxford, 2011.

сенсуса до сих пор не сложилось. Нет ясности даже в части того, кто — Москва или Париж — являлся инициатором сближения². Важной проблемой остаётся то, что в отечественной историографии эта тема зачастую освещается с точки зрения Москвы. Однако понять ход мыслей советской стороны нельзя, не сопоставив его с позицией стороны французской, которая, в свою очередь, развивалась в соответствии с собственной логикой.

Уточнения требует вопрос о том, как именно Москва трактовала принципы коллективной безопасности. Советская дипломатия приняла эту концепцию в начале 1930-х гг., однако её подход не только отличался своеобразием, но и претерпевал трансформации. Какие цели ставило перед собой советское внешнеполитическое ведомство в начале переговоров и на их завершающем этапе? Какие факторы влияли на изменение его позиции? Как она соотносилась с точкой зрения высшего политического руководства? Как далеко советская сторона была готова пойти в диалоге? В данной статье с опорой на советские и французские источники (в том числе архивные), а также на современную научную литературу предпринимается попытка дать ответы на эти вопросы.

Советско-французское сближение начала 1930-х гг. стало следствием коренной трансформации Версальской системы международных отношений. Оно началось ещё до прихода к власти Гитлера и объяснялось общим переосмыслением той роли, которую в европейских делах играл Берлин. Вторая половина 1920-х гг. прошла под знаком торжества принципов Локарнских соглашений 1925 г. Примирение Франции и Германии должно было заложить основу континентальной модели безопасности, а также привести к постепенному умиротворению Центральной и Восточной Европы³. Для Советского Союза со времени подписания Рапалльского договора 1922 г. Германия являлась главным европейским партнёром. Однако превращение Берлина в самостоятельный центр силы и ужесточение его внешнеполитического курса на фоне последствий Великой депрессии полностью поменяли ситуацию.

Сильная Германия, как и в конце XIX в., становилась тем фактором международной политики, который заставлял Россию и Францию искать общий язык. В ноябре 1932 г., оставив за скобками ряд болезненных проблем двустороннего сотрудничества, Москва и Париж заключили пакт о ненападении. Исчезли препятствия для развития контактов в военной сфере, шли консультации о развитии торговли. Впрочем, ни одна из сторон до конца 1933 г. не была склонна преувеличивать значение этой нормализации. По мнению У.Э. Скотта, соглашение с Советским Союзом «не являлось серьёзным шагом к изменению курса французской политики»⁴. Главной целью Парижа оставалось предотвращение нового советско-германского сближения на платформе Рапалло. В Москве также не снимали с повестки дня задачу недопущения «сговора империалистов».

В то же время Наркомат по иностранным делам (НКВД) во главе с М.М. Литвиновым исходил из перспективы комплексного углубления отношений. Глава советской дипломатии «в начале 1930-х гг. считал необходимым

² Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность... С. 380–381; Scott W.E. Op. cit. P. 121; Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques... P. 38.

³ Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 426–574.

⁴ Scott W.E. Op. cit. P. 73.

попробовать завоевать для СССР место на европейской дипломатической сцене, завязав контакты с Францией»⁵. Париж должен был занять место Берлина в качестве главного партнёра Москвы. Чтобы реализовать эту задачу, советские дипломаты развернули масштабную работу по созданию сети контактов в военно-политических и деловых кругах и активно убеждали политическое руководство СССР в необходимости выстраивания доверительных отношений с французами⁶. Взаимное сдерживание Германии мыслилось как фундамент этого сотрудничества.

В Кремле к подобной перспективе относились настороженно и, несмотря на приход к власти нацистов, не спешили ставить крест на отношениях с Германией⁷. Поведение Франции выглядело неоднозначным. В декабре 1932 г. на конференции по разоружению в Женеве её представители в принципе признали право Рейха на равенство в вооружениях. Летом 1933 г. шли переговоры о заключении «пакта четырёх», который создавал в Европе своего рода директорию в составе Франции, Великобритании, Италии и Германии, обладавшую правом ревизии международных договоров⁸. Однако Гитлер сам подтолкнул Москву и Париж навстречу друг другу. В июне германские официальные лица публично подняли вопрос о расширении «жизненного пространства» Германии на восток и возможных территориальных претензиях к СССР⁹. В октябре, не добившись от французов новых уступок в вопросе вооружений, фюрер констатировал провал женевских переговоров и объявил о выходе Германии из Лиги Наций. Локарнская политика Парижа шла под откос. В этой ситуации глава МИД Франции Ж. Поль-Бонкур принял решение о качественном повороте в отношениях с Москвой.

20 октября в беседе с советским полпредом в Париже В.С. Довгалеvским он впервые допустил возможность заключения советско-французского союза¹⁰. В течение ноября этот замысел подробно обсуждался и оформился в проект регионального пакта о взаимопомощи, который предполагал вступление СССР в Лигу Наций и подключение к соглашению стран Центральной и Восточной Европы. Однако речь не шла о классическом военно-политическом альянсе по типу того, который существовал между Российской империей и Третьей республикой до 1917 г. С середины 1920-х гг. французская дипломатия взяла на вооружение «многостороннюю политику, основанную на взаимопомощи и господстве международного права»¹¹. Таковая явилась прямой реакцией на Первую мировую войну, которую, как считалось, спровоцировали автоматическая логика действия альянсов и примат узко понимаемого национального интереса над задачами сохранения европейского мира.

Модель коллективной безопасности, фундамент которой заложили Локарнские соглашения, предполагала отказ от блоковой политики и взаимного сдерживания. Её участники связывались настолько плотной сетью взаимообя-

⁵ Дюллен С. Указ. соч. С. 96.

⁶ Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Сиимонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская история. 2020. № 3.

⁷ Haslam J. Op. cit. P. 13.

⁸ Duroselle J.-B. La Décadence... P. 70–75.

⁹ Дюллен С. Указ. соч. С. 93.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. С. 377.

¹¹ Jackson P. Beyond the balance of power: France and the politics of national security in the era of the First World War. Cambridge; N.Y., 2013. P. 514.

зывающих договоров, что разрыв хотя бы одного из них создавал ситуацию, при которой нарушитель сразу попадал в международную изоляцию. Вся конструкция оформлялась институтом членства в Лиге Наций, которая становилась верховной арбитражной инстанцией для урегулирования конфликтов между странами-участницами и могла применять определённые санкции в отношении агрессора. Теоретически в их число входило вооружённое принуждение к миру, но практически оно не мыслилось и, по сути, являлось декларативным¹².

То, что в октябре 1933 г. предлагал советскому полпреду Поль-Бонкур, предполагало лишь перенастройку системы коллективной безопасности. Если раньше она балансировалась за счёт сотрудничества Парижа и Берлина, то после демаршей германских правительств на смену ему должна была прийти связка «Париж–Москва»¹³. Стремясь уйти от вовлечения в советско-японские противоречия, обострившиеся после оккупации Маньчжурии в 1931 г., в Париже особо подчёркивали, что действие соглашения не должно распространяться на Дальний Восток.

В последние недели года советское руководство активно обсуждало французские инициативы. Сомнения вызвала конфигурация предлагаемого соглашения. 13 декабря Довгалецкий встретился с Поль-Бонкуром и предложил «отделить друг от друга» вопросы оказания взаимной помощи и вступления СССР в Лигу Наций. В ответ он получил разъяснение, что Франция могла выступить против Германии без риска нарушить Локарнские соглашения лишь при задействовании пункта устава Лиги Наций, допускающего коллективную защиту от агрессора. Эти соображения Литвинов подробно пересказал в записке И.В. Сталину от 15 декабря¹⁴. Судя по многочисленным пометкам адресата, речь шла о его первом глубоком знакомстве с деятельностью международной организации¹⁵. Выдержанный в духе принципов коллективной безопасности, французский проект выглядел достаточно запутанным. Возможно, пытаясь его упростить, Литвинов сообщил о желании Поль-Бонкура заключить «конвенцию о военной помощи». Это, однако, не находит подтверждения во французской записи переговоров министра с полпредом¹⁶.

По итогам длительных консультаций 19 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) согласовало резолюцию, в принципе одобрявшую французские предложения. СССР соглашался вступить в Лигу Наций и заключить «региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» в случае выполнения ряда условий, ключевым из которых являлось присоединение к пакту восточных соседей СССР с обязательным участием Польши¹⁷. В НКВД не скрывали, что принятое решение «имеет целью поддержать тех членов нынешнего французского правительства... которые являются противниками как сепаратных переговоров с Германией, так и увеличения германской армии»¹⁸.

¹² *Soutou G.-H.* Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons // *Transversalités*. Vol. 119. 2011. № 3. P. 179–181.

¹³ *Dessberg F.* *Op. cit.* P. 322–327.

¹⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 78, л. 191–193.

¹⁵ Там же, л. 169–171.

¹⁶ Archives du ministère des affaires étrangères (далее – АМАЕ). Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 965. Le ministre des affaires étrangères a Monsieur Alphand, ambassadeur de la République Française a Moscou. 15 décembre 1933.

¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 305–306.

¹⁸ Цит. по: *Дюлен С.* Указ. соч. С. 99–100.

В Кремле и на Кузнецком мосту исходили из того, что в руководстве Франции действует мощная прогерманская партия¹⁹. Одной из главных целей советских дипломатов со времени заключения пакта о ненападении являлось содействие укреплению позиций её оппонентов. НКВД активно искал ту фигуру в Париже, на которую можно сделать ставку.

Однако помимо этого мотива решение Политбюро имело важное стратегическое измерение: именно от него принято отсчитывать участие СССР в политике коллективной безопасности. Вопрос заключается в том, готово ли было советское руководство принять модель взаимодействия, предложенную Поль-Бонкурром. Процитированные выше документы говорят скорее о том, что глубинные цели Москвы подчинялись собственным установкам. По точному замечанию М.М. Наринского, они исходили «не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР»²⁰. Высшее политическое руководство страны в лице Сталина не сомневалось в неизбежности новой мировой войны и ставило перед дипломатией задачу создания таких условий, при которых СССР сможет наилучшим образом к ней подготовиться и вступит в неё последним²¹. Вхождение в Лигу Наций давало возможности координации действий со странами, заинтересованными в сохранении мира. При этом в Москве его осмыслили в военно-политических категориях баланса сил, что плохо вписывалось в концепцию коллективной безопасности, исповедовавшуюся французами.

«Мы взяли твёрдый курс на сближение с Францией», — сообщил Литвинов в телеграмме Довгалеvскому от 11 декабря²². Это должно было, помимо прочего, укрепить советские позиции в диалоге с ключевыми европейскими игроками. Соглашение с Францией открывало путь к улучшению отношений с Польшей, которая не случайно фигурировала в резолюции Политбюро как обязательный участник советско-французского пакта. Вопреки озабоченности советского руководства ростом агрессивности гитлеровской Германии, в 1933–1934 гг. не она, а польско-румынская коалиция, действующая при французской поддержке, представлялась ему основной угрозой безопасности страны²³. В рамках новой конструкции Париж из потенциального участника антисоветского блока превращался в проводника интересов Москвы в её отношениях с Варшавой. Таковые, несмотря на подписание в июле 1932 г. пакта о ненападении и последовавшие за этим попытки советской дипломатии углубить двустороннее сотрудничество, находились не в лучшем состоянии²⁴.

Новая дипломатическая конфигурация в Восточной Европе могла изменить и позицию Берлина²⁵. В докладе на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г. Сталин, признавая «перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией», отвергал точку зрения «некоторых германских

¹⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 65–70.

²⁰ *Наринский М.М.* Отношения между СССР и Францией... С. 70–71.

²¹ *Pons S.* Stalin and the inevitable war, 1936–1941. L.; Portland, 2002. P. 1–5.

²² Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 736.

²³ *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 360.

²⁴ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 гг. СПб., 2000. С. 104.

²⁵ *Dessberg F.* Op. cit. P. 329.

политиков», которые «говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу»²⁶. В то же время можно согласиться с мнением О.Н. Кена, что «для Советского Союза в не меньшей степени, чем для Франции план коллективной безопасности в Восточной Европе являлся средством предотвратить взаимную конкуренцию за договорённость с немцами»²⁷, пока подобная договорённость имела смысл. В случае успешного развития диалога в рамках регионального пакта можно было ожидать укрепления доверия между Парижем и Москвой, которые традиционно подозревали друг друга в стремлении заключить сепаратную сделку с Берлином.

В Поль-Бонкуре советская дипломатия видела того политика, на которого могло бы опираться дело советско-французского сближения. Однако он быстро сошёл со сцены, и в феврале 1934 г. МИД возглавил Л. Барту. В историографии сложился образ последнего как жёсткого противника германского реваншизма, основным инструментом сдерживания которого он считал советско-французский союз, имеющий военную составляющую²⁸. Подобная оценка, однако, требует корректировки. Барту отнюдь не собирался форсировать сближение с Москвой и придерживался тех предложений, которые в конце 1933 г. в духе идей коллективной безопасности сформулировал его предшественник.

К апрелю 1934 г. по поручению Барту аппарат ведомства во главе с генеральным секретарём А. Леже разработал уточнённый проект пакта о взаимопомощи. Согласно ему, СССР, Германия, Польша, Чехословакия и прибалтийские страны заключали пакты о взаимопомощи. Возникла система «Восточного пакта» или «восточного Локарно», зеркальная «западному Локарно», оформленному в 1925 г. договорами, закреплявшими германо-бельгийскую и германо-французскую границы под гарантии Великобритании и Италии. Франция и СССР подписывали отдельный пакт, по которому Москва брала на себя гарантийные обязательства в отношении Парижа, аналогичные тем, которые несли Лондон и Рим по Локарнским соглашениям, а Париж давал гарантии Москве на тот случай, если она окажется втянутой в конфликт, выполняя условия «восточного Локарно». Эту замысловатую конструкцию венчал бы общий договор, вписывающий её в рамки Лиги Наций.

Предлагая Советскому Союзу столь сложный проект, французы решали центральную задачу, вытекавшую из всей их предыдущей политики: сближение с Москвой помещалось в строгие рамки коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций с соблюдением Локарнских соглашений. Автоматизм действия советско-французского пакта не предполагался: чтобы прийти на помощь друг другу, Москва и Париж, согласно уставу Лиги, должны были заручиться формальным согласием её Совета или получить свободу рук в том случае, если Совет не приходил к общему мнению, но не раньше²⁹. Барту прямо говорил, что проектируемую систему договоров не следует отождествлять с классическими военными союзами³⁰.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. С. 85.

²⁷ Кен О.Н. Сталин, Литвинов и другие. О книге С. Дулан «Влиятельные люди. Послы Сталина в Европе, 1930–1939 гг.» // Клио. 2003. № 1. С. 247.

²⁸ Малафеев К.А. Луи Барту – политик и дипломат. М., 1988; Duroselle J.-B. Louis Barthou et le rapprochement franco-soviétique en 1934 // Cahiers du Monde Russe et soviétique. Vol. 3. 1962. № 4.

²⁹ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность... С. 179.

³⁰ Young R.J. Power and pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic. Montreal, 1991. P. 218.

Советская реакция на инициативу поступила не сразу. Логика коллективной безопасности, заложенная в его проекте, казалась сотрудникам полпредства ненужным усложнением³¹. Однако к середине мая Литвинов смог перевести французский план на язык, понятный в Кремле. По его словам, эта «довольно остроумная» конструкция имела «значительные преимущества». Открытый характер договора, предполагавший участие в нём и Берлина, позволял Москве сохранять возможности для диалога со всеми основными центрами силы. В случае гипотетического военного конфликта СССР мог рассчитывать на помощь Франции как против Германии, так и против Польши³².

18 мая нарком лично обсуждал предложенный проект с французским коллегой. Один из его первых вопросов выдавал те сомнения, которые сохранялись у советского руководства, а именно, желание французов ограничиться договором о взаимопомощи с СССР без предоставления прямых гарантий другим участникам «восточного Локарно», а также то, что пакты должны были заключаться лишь между соседними странами, в результате чего Прибалтика оказывалась слабо прикрытой в случае внешней агрессии. Факт обсуждения этих сюжетов уже после консультаций между НКВД и Кремлём говорит о том, что возражения могли исходить непосредственно от Сталина. Барту, как и его предшественнику в декабре 1933 г., пришлось объяснять ограничения, которые на французскую дипломатию накладывали обязательства, выраставшие из Локарнских соглашений. Литвинов подтвердил, что, «в общем, понимает смысл данной конструкции», однако настоял на отдельном обсуждении вопроса о Прибалтике. Он также заручился согласием коллеги на заключение «Восточного пакта» без Германии в том случае, если бы Рейх сам отказался от участия в системе коллективной безопасности³³.

В целом глава советской дипломатии демонстрировал готовность принять за основу французский проект, однако периодически возвращался к его возможному военно-политическому измерению. В ходе консультаций с Барту в Женеве (начало июня) он поставил вопрос о модальности оказания помощи СССР и инициировал подписание дополнительной «технической конвенции»³⁴, но снял это предложение, столкнувшись с вполне ожидаемыми возражениями. В отчёте о переговорах 18 мая нарком упоминал якобы сказанную министром фразу о «дружбе вплоть до военного союза»³⁵, которая, впрочем, отсутствует во французской записи переговоров.

По справедливому замечанию С. Дюллен, во французском МИД само понятие «военный союз» «являлось табу под влиянием “травмы”, вызванной Первой мировой войной»³⁶. Знал ли об этом глава НКВД? Акцентирование им военной составляющей советско-французского соглашения может объясняться взглядами высшего политического руководства СССР, которые Литвинов обязан был учитывать. При этом он не настаивал на соответствующих пунктах переговорной повестки, считая, что «твёрдый курс на сближение с Францией» предполагает определённые уступки позиции, являвшейся для неё безус-

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 310.

³² АВП РФ, ф. 05, оп. 14, п. 101, д. 98, л. 43–44.

³³ AMAE. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 965. Conversation entre M. Litvinoff et M. Barthou a Genève. 18 mai 1934.

³⁴ Ibid. Note sur les pourparlers entre M. Litvinoff et L. Barthou a Genève. 3 juin 1934.

³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 798.

³⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 102.

ловной. Летом 1934 г. советские дипломаты в публичных заявлениях подчёркивали сугубо невоенный характер договорённостей в рамках коллективной безопасности³⁷.

Таким образом, постепенно формировались подходы к проблеме «Восточного пакта». В Париже рассматривали перспективу создания на востоке Европы системы договоров, которая бы дополнила Локарнские соглашения и за счёт своей сложности сделала бы невозможным возникновение там военного конфликта. Для советского руководства имело значение появление на западных границах СССР стратегического буфера, гарантированного военно-политическими обязательствами Франции. НКВД при этом играл роль посредника, транслировавшего французские предложения, адаптируя их к тем представлениям, которые сложились у Сталина и его ближайшего окружения. При этом на Кузнецком мосту уделяли особое внимание качественному углублению отношений с Францией, которая в течение 1934 г. превращалась в главную точку приложения усилий советской дипломатии в Европе.

Фактором, нарушавшим цельность этой конструкции, выступала позиция Варшавы. В силу географического положения между СССР и Германией и роли, которую она играла во французской системе «тыловых союзов», Польша являлась краеугольным камнем «Восточного пакта». Однако в первой половине 1934 г. советско-польские отношения неуклонно портились. В январе была подписана германо-польская декларация о неприменении силы. Советско-французское сближение активизировало польскую политику «равноудалённости», предполагавшую сохранение баланса во взаимоотношениях с ключевыми европейскими столицами³⁸.

В Москве, впрочем, прочитывали её как курс на блокирование с Германией. В штабе РККА приходили к выводу о том, что польская военная угроза на Западе может сочетаться с германской³⁹. Рейх заменял Францию в качестве основного спонсора потенциальной антисоветской коалиции. «Равноудалённость» по своей сути противоречила и многосторонним договорённостям, что ставило под угрозу реализацию французского плана. Обращаясь к Политбюро в начале мая, Литвинов не случайно подчёркивал возможность использования советско-французского соглашения в качестве инструмента противодействия Польше: это соответствовало тем ожиданиям, которые формировались в Кремле⁴⁰.

С апреля в дипломатической переписке советская сторона всё более уверенно акцентировала двусторонний характер советско-французского соглашения, оставляя на втором плане перспективу создания регионального блока. «В разговоре с Барту, — писал Литвинов Розенбергу в Париж, — Вы должны даже в случае ликвидации бонкуровских предложений в результате позиции Польши заверять его в неизменности нашего стремления к сближению и сотрудничеству с Францией в деле укрепления мира»⁴¹. Эти расчёты подкреплялись информацией разведки. В мае иностранный отдел (ИНО) ОГПУ сообщал: «За последний год франко-польские отношения стали настолько натянутыми,

³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 357–358, 430.

³⁸ Матвеев Г.Ф. Политическая система режима «санации» // Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 216.

³⁹ Кен О.Н. Мобилизационное планирование... С. 364.

⁴⁰ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 104.

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 306.

что и в Париже, и в Варшаве говорили о том, что союз между этими странами не будет возобновлён»⁴².

Советский стратегический интерес выливался в проект сдерживания Германии и Польши. Французы допускали перспективу, при которой «Восточный пакт» мог постепенно принять антигерманскую направленность. Но при всём недовольстве январской декларацией о неприменении силы они не были готовы записать поляков в лагерь союзников Берлина: это ставило крест на идее «восточного Локарно». Накануне визита Барту в Варшаву 22–25 апреля Литвинов вызвал французского посла Ш. Альфана и обозначил ему своё видение ситуации. В НКИД подозревали, что за германо-польской декларацией стоят далеко идущие совместные военно-политические планы. В этой связи нарком предлагал французам «вывести Польшу на чистую воду»⁴³. Важным индикатором изменения польской позиции стала бы переориентация франко-польского союза 1921 г. на сдерживание Германии, а не СССР⁴⁴. Отказ Варшавы от такого шага явился бы явным признаком её дрейфа в сторону Берлина.

Советские дипломаты рассматривали два варианта разрешения польской коллизии. В том случае, если бы французам, используя своё влияние, удалось привлечь поляков к участию в «Восточном пакте», СССР получал бы гарантированный великой державой буфер на западной границе. Однако весной 1934 г. отказ Польши от регионального пакта о взаимопомощи представлялся всё более вероятным. Более того, на французов, по мнению Литвинова, «со всех сторон делался нажим», чтобы «оторвать»⁴⁵ их от Советского Союза. В этой ситуации Москву, перед которой возникала угроза изоляции, могло заинтересовать только прямое военно-политическое соглашение с Парижем. Однако оно шло вразрез с той схемой, которую МИД Франции в декабре 1933 г. положил в основу советско-французского сближения. Столкновение позиций по этому чувствительному вопросу вскрывало глубинные противоречия всей конструкции двусторонних отношений и грозило её «осыпанием».

В ходе визита в польскую столицу Барту смог убедиться, что глава государства Ю. Пилсудский «не разделял французской обеспокоенности действиями Германии и не поддержал идеи вовлечения СССР в европейскую политику в качестве конструктивной силы»⁴⁶. Однако он не терял надежды подключить Польшу к «Восточному пакту»: отказался от обсуждения переориентации франко-польского союза, аккуратно обошёл вопрос о создании региональной системы безопасности без участия Германии и подчеркнул, что планируемое соглашение не имеет военного компонента⁴⁷. В НКИД на эти манёвры смотрели скептически⁴⁸ и постепенно готовили почву для заключения двустороннего соглашения с Францией.

В начале июня Литвинов прямо спросил Барту о его «личном мнении» по поводу возможности прямой договорённости между Москвой и Парижем в слу-

⁴² РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 187, л. 15.

⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 277.

⁴⁴ Там же. С. 297.

⁴⁵ Там же. С. 375.

⁴⁶ Кузьмичева А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г. // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 132.

⁴⁷ Documents diplomatiques français. 1re série (1932–1935) (далее – DDF). Vol. VII. P., 1979. P. 45–49.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 400.

чае отказа Германии и Польши от участия в пакте и получил положительный ответ⁴⁹. Значение этого обещания, данного «не для протокола», не следовало переоценивать, но нарком увидел здесь окно возможностей. По его мнению, Франция «слишком ангажировалась, чтобы только “использовать” переговоры для посторонних целей». Под «посторонними целями» имелась в виду возможная сепаратная сделка с Берлином, но здесь французы проявляли определённую последовательность. 17 апреля их дипломатическое ведомство направило в Лондон ноту, в которой говорилось о невозможности продолжения переговоров о разоружении на условиях Гитлера⁵⁰. Разведка передала информацию о ноте в Москву, где её обсудили на высшем уровне⁵¹. Совместное сдерживание Германии, таким образом, оставалось платформой для сотрудничества.

По итогам июньских переговоров глав советской и французской внешней политики ИНО ОГПУ сообщал, что «тактика Барту–Литвинова была понята (поляками. — *А.В.*) так, что наступает реальность союза СССР с Францией, Малой Антантой. В случае если бы такой союз был заключён, Польша открыто разрывает свой союз с Францией и также открыто заключает польско-германский военный оборонительный союз, направленный против СССР, Франции и Малой Антанты»⁵². Факт франко-польского раскола, скорее воображаемый, чем реальный, сулил определённые перспективы. В случае его углубления у французов не оставалось альтернативы оформлению полноценного союза с СССР. Литвинов всё же считал, что Париж имел «достаточные средства давления на Польшу, чтобы заставить её примкнуть к пакту, но вопрос в том, захочет ли Франция пустить в ход эти средства»⁵³. Чтобы заставить французов действовать решительнее, глава НКВД соглашался на расширение советского участия в проекте коллективной безопасности.

9–10 июля Барту находился с визитом в Лондоне, где пытался заручиться поддержкой «Восточного пакта». В обмен на это британские коллеги потребовали заключения трёхстороннего франко-германо-советского гарантийного соглашения. 14 июля Политбюро по предложению НКВД согласилось с этим условием, а 25 июля санкционировало вхождение СССР в Лигу Наций до подписания пактов о взаимопомощи в рамках плана «восточного Локарно»⁵⁴. Литвинов исходил из того, что максимально лояльная позиция в отношении французского замысла позволит возложить ответственность за его срыв на немцев и поляков. В конце июля по итогам разговора с одним из руководителей германского МИД советский поверенный в делах дал характеристику «Восточного пакта», под которой мог бы подписаться любой французский дипломат: «Значение пакта заключается... не столько в том, чтобы определить обязанности участников на случай возможного конфликта, сколько в том, чтобы путём такого определения обязанностей предотвратить самую возможность конфликта»⁵⁵.

⁴⁹ Там же. С. 371.

⁵⁰ *Steiner Z.* Op. cit. P. 53.

⁵¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 187, л. 12–14.

⁵² Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2003. С. 534–535.

⁵³ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 412–413.

⁵⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 313–314.

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 510.

18 сентября СССР вошёл в Лигу Наций, заняв кресло постоянного члена её Совета. Тем временем 8 сентября Германия заявила об отказе от участия в «Восточном пакте». 27 сентября Барту получил из польского МИД меморандум, в котором подчёркивалось, что участие Берлина в региональном соглашении о безопасности является обязательным условием присоединения к нему Варшавы⁵⁶. Проект «Восточного пакта» переживал момент истины. Надежд на то, что немцев удастся переубедить, оставалось немного: речь шла, скорее, о том, чтобы возложить на них репутационные издержки отказа от участия в системе коллективной безопасности. Однако переговоры с поляками продолжались. Французские дипломаты рассчитывали снять их основные возражения.

К моменту гибели Барту в Марселе 9 октября вопрос о конфигурации «Восточного пакта» оставался открытым. Глава МИД Франции в принципе соглашался договариваться без Германии, но прямых указаний на то, что он всерьёз рассматривал возможность заключения двустороннего соглашения о взаимопомощи с СССР без Польши, нет⁵⁷. В беседах с британскими и польскими дипломатами министр упоминал о подобном гипотетическом сценарии⁵⁸, однако неясно, выходили ли эти заявления за рамки попыток оказать дипломатическое давление. Выступая перед парламентской комиссией по иностранным делам, Барту признавал, что у него нет чёткого плана действий на тот случай, если Германия и Польша откажутся от участия в системе коллективной безопасности⁵⁹.

В конце сентября Литвинов счёл, что настало время для обсуждения прямого гарантийного соглашения с Францией при участии Чехословакии и прибалтийских государств, о чём сделал запрос в Политбюро⁶⁰. По его мнению, французам следовало подтолкнуть. К этому времени советские дипломаты смогли найти общий язык с Барту. Несмотря на реверансы в сторону Германии, он не искал сепаратной сделки с Берлином, что, с точки зрения Москвы, традиционно опасавшейся «сговора империалистов», создавало пространство для диалога. «Я обнаружил у господина Литвинова и его сотрудников отчётливое желание установить с французской делегацией отношения доверительного сотрудничества», — сообщал министр из Женевы в Париж 27 сентября⁶¹.

Оценивая в интервью французскому журналисту работу Барту через несколько дней после марсельских событий, Литвинов особо подчеркнул «надёжность его слов и обещаний»⁶². Подобная характеристика буржуазного политика из уст советского государственного деятеля значила многое. В НКВД считали, что нашли ту фигуру, во взаимодействии с которой можно качественно развивать межгосударственные отношения. Целью виделось превращение Москвы в главного партнёра Парижа в деле обеспечения европейской безопасности. Об этом откровенно писал 24 октября в «Известиях» заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Радек: «Переговоры о пакте очень обострили польско-французские отношения, ставя под вопрос дальнейшее существование

⁵⁶ Dessberg F. Op. cit. P. 349.

⁵⁷ Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques... P. 45.

⁵⁸ DDF. Vol. VII. P. 389–392.

⁵⁹ Young R.J. Op. cit. P. 219.

⁶⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 494.

⁶¹ AMAE. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 970. L. Barthou au ministère des affaires étrangères. 27 septembre 1934. Genève.

⁶² Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 636.

франко-польского союза. Ясно, что это положение поставило французскую политику перед необходимостью новых решений, касающихся... выяснения вопроса, как дальше развёртывать борьбу за стабилизацию Северо-Восточной Европы»⁶³.

Однако инициатива Литвинова о переходе к прямым переговорам с французами не нашла поддержки у высшего политического руководства. Пойти по этому пути означало бы, во-первых, взять на себя инициативу и приоткрыть свои цели, чего советская сторона избегала со времени первых двусторонних консультаций в декабре 1933 г. Во-вторых, в Кремле, вероятно, не были готовы так быстро отказаться от идеи стратегического буфера на западной границе. Ещё 23 сентября Политбюро постановило «не торопиться» с идеей пакта без Германии и Польши и поручило Литвинову «ограничиться зондажем намерений французов и других»⁶⁴. Согласовывать позиции наркому пришлось уже с новым коллегой в Париже.

П. Лаваль не собирался резко поворачивать руль французской внешней политики. Как и его предшественники, он намеревался действовать в рамках модели коллективной безопасности, однако считал взаимопонимание с Берлином её неотъемлемым элементом. 19 октября в разговоре с Розенбергом министр подчеркнул: «Если соглашение с Германией возможно только обходным путём соглашения Франции с Москвой, он готов пойти и этим путём»⁶⁵. Барту не хотел создавать конструкцию, заведомо изолирующую Германию, но в принципе склонялся к признанию того, что поворот политики Рейха в 1932–1933 гг. сделал маловероятным возвращение в «эпоху Локарно», и в качестве альтернативы предлагал договорённость с Советским Союзом. Речь, таким образом, не шла о взаимоисключающих перспективах: как для Барту сближение с СССР не означало конфронтации с Германией, так и для Лавалья сближение с Германией не влекло за собой конфронтацию с СССР.

Однако на НКВД первые заявления нового главы МИД произвели самое неблагоприятное впечатление. Совместное сдерживание Германии считалось платформой двустороннего сотрудничества, отступление от общей цели ломало созданную при Барту архитектуру отношений. Комментируя итоги встречи Розенберга с Лавалем, Литвинов предположил: «Либо Лаваль проговорился, либо сознательно, с циничной откровенностью сказал, что сближение с нами должно быть лишь целью запугивания Германии, чтобы добиться от неё больших уступок, иначе говоря, что Франция нас только разыгрывает»⁶⁶. Доверие, накопленное в диалоге с Барту, оказалось подорвано, а вместе с ним — убеждённость, что французское видение механизмов коллективной безопасности совместимо с советскими приоритетами.

В этой ситуации обсуждение «Восточного пакта» приобрело новый смысл. 1 ноября Литвинов направил членам Политбюро письмо, в котором настаивал на важности продолжения переговоров с Парижем о региональном пакте безопасности, отмечая, что «фокус стремлений» Лавалья — соглашение с Германией против СССР⁶⁷. На следующий день Политбюро приняло резолюцию, санкционирующую заключение пакта «без участия Германии и Польши». При этом оговаривалось, что если Франция согласится на наращивание германских

⁶³ Известия. 1934. 24 октября.

⁶⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 318.

⁶⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 647–648.

⁶⁶ Там же. С. 824.

⁶⁷ Дюллен С. Указ. соч. С. 106.

вооружений (очевидный индикатор договорённости), то НКИД должен настаивать на подключении Германии к пакту⁶⁸.

Это решение стало поворотным для советской дипломатии на французском направлении. Весной и летом Литвинов избегал ставить ребром вопрос о военно-политическом пакте, опасаясь сорвать большое соглашение с Парижем, и осторожно сформулировал его лишь в сентябре, когда посчитал, что для этого сложились благоприятные условия. Но уже в конце осени он решительно переводил переговоры в русло обсуждения именно двустороннего сотрудничества, ставя французов перед необходимостью неудобного выбора между сворачиванием контактов с Москвой и прямой договорённостью с ней. Ограничения, наложенные на французскую внешнюю политику Локарнскими соглашениями, больше никого не волновали. 22 ноября в ходе дискуссии во французском парламенте прозвучало заявление, что между двумя странами существует военный союз. Комментируя по просьбе прессы эти слова, нарком «довольно хитро» ответил, что поправлять депутата должен не он, а Лаваль⁶⁹.

Глава МИД в это время собирался реанимировать «Восточный пакт», превратив его в коллективное соглашение о ненападении при сохранении советско-французского гарантийного договора⁷⁰. В ответ Литвинов выступил с инициативой подписания протокола, подтверждающего готовность обеих сторон способствовать заключению пакта и не вступать в соглашения, которые могли бы воспрепятствовать этому, а также информировать друг друга о подобных предложениях. 5 декабря в Женеве такой протокол был подписан⁷¹. Но, сделав шаг навстречу Москве, Лаваль готовил сделку с Берлином. 13 января в Сааре прошёл плебисцит, в ходе которого большая часть населения региона высказалась за воссоединение с Рейхом. Министр собирался использовать это событие как повод для развития политического диалога с Германией.

Одновременно Лаваль нанёс визит в Рим, где подписал ряд соглашений, в том числе заявление в поддержку суверенитета Австрии путём заключения серии договоров о ненападении между государствами Центральной Европы («Дунайский пакт»). Вернувшись в Париж, он сообщил о результатах визита полпреду СССР В.П. Потёмкину. Советский дипломат сразу усмотрел здесь попытку подменить «Восточный пакт» другим договором, который исключал бы Советский Союз⁷². На начало февраля намечались франко-британские переговоры в Лондоне, на которых планировалось в одном блоке обсудить проблемы германских вооружений и обеспечения безопасности. Лаваль обещал, что «ни на какие соглашения не пойдёт с Германией... не добившись Восточного пакта»⁷³, однако Потёмкин ему не доверял. В донесении в НКИД 25 января он писал, что министр «окончательно решил... пойти на легализацию германских вооружений»⁷⁴.

Понимая, что британское посредничество ещё сильнее ослабит советские позиции, Москва попыталась разыграть германскую карту сама. 28 января в выступлении на VII съезде Советов Молотов заявил о стремлении СССР сохра-

⁶⁸ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 318–319.

⁶⁹ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 1. М., 2006. С. 35.

⁷⁰ Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques... P. 48.

⁷¹ Dessberg F. Op. cit. P. 351.

⁷² АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 3–4.

⁷³ Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 37.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 19.

нить хорошие отношения с Германией и назвал немцев «одним из великих народов современной эпохи»⁷⁵. Вскоре в Берлине начались советско-германские переговоры, которые окончились в апреле подписанием соглашения о выделении Советскому Союзу кредита в 200 млн марок⁷⁶. Негласная договорённость о недопустимости сепаратных сделок с немцами больше не существовала.

Потёмкин предлагал, «не выказывая недоверия к французам, напоминать им об опасности компромиссов с непрерывно вооружающейся и усиливающейся Германией, об обязательствах протокола 5-го декабря. При этом не только в качестве аргумента для воздействия на противную сторону, но и в качестве тезиса, долженствующего быть твёрдо усвоенным Францией, необходимо постоянно проводить мысль, что, в случае уклонения Германии и Польши от участия в Восточном пакте и примыкающих к нему прочих договорах о взаимной помощи, эти соглашения осуществляются и без них»⁷⁷. В НКВД считали, что предотвратить франко-германское соглашение могла лишь прямая договорённость между Парижем и Москвой. По выражению Дж. Хэслема, «французское судно должно было, не теряя времени, прочно встать на якорь в советских водах, чтобы, выйдя в открытое море, не попасть в руки немцев»⁷⁸.

Эту перспективу — по иным причинам — рассматривали и в Париже. 28 января циркулярное письмо МИД зафиксировало возможность провала «Восточного пакта». Даже крайне расплывчатое ноябрьское предложение Лавалля о подписании коллективного договора о ненападении не встретило энтузиазма в Берлине и Варшаве⁷⁹. В такой ситуации французская дипломатия начала изучать возможность заключения прямого соглашения с СССР, предполагающего в обмен на присоединение к Локарнским гарантиям 1925 г. оказание помощи в случае угрозы советской территориальной целостности в Европе⁸⁰. «На худой конец, франко-советское сближение будет осуществлено», — заявил тогда же в беседе с советским дипломатом заведующий отделом печати МИД⁸¹.

Выработанная в начале февраля в Лондоне франко-британская договорённость предполагала признание за Германией права на довооружение при условии международного контроля. Опасения Франции должно было снять особое соглашение, по которому в случае нападения на её территорию с воздуха Великобритания оказывала ей немедленную помощь («воздушный пакт»)⁸². «Восточный пакт» предлагалось интегрировать в один комплекс договоров с «воздушным» и «Дунайским». Подобное «коллекционирование пактов»⁸³ являлось отличительной чертой системы коллективной безопасности. Если в мае 1934 г. Литвинов считал его «довольно остроумным» приёмом умиротворения континента, то в начале 1935 г. усматривал здесь попытку «потопить» советско-французские договорённости «в каком-то общеевропейском соглашении, которое должно включать разрешение множества проблем».

⁷⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 47.

⁷⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 114.

⁷⁷ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 22.

⁷⁸ Haslam J. Op. cit. P. 44.

⁷⁹ Dessberg F. Op. cit. P. 353.

⁸⁰ АМАЕ. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 972. Directeur politique. Note sur Pacte de l'Est. 28 janvier 1935.

⁸¹ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 13.

⁸² Steiner Z. Op. cit. P. 83.

⁸³ Crémieux-Brilhac J.-L. Les Français de l'an 40. Vol. 1. P., 1990. P. 116.

В парижском полпредстве констатировали, что «в данный момент “кошмарное” предложение о пакте между Францией, Германией и Польшей, взамен восточного пакта, едва ли будет подхвачено здесь кругами, имеющими реальное влияние на направление французской внешней политики», но к началу весны, после вмешательства Великобритании, главной угрозой стала перспектива возрождения западноевропейского «пакта четырёх»⁸⁴. Литвинов требовал от Потёмкина всеми возможными способами добиваться допуска СССР на переговоры по «воздушному пакту»⁸⁵.

В Кремле, вероятно, исчезали последние надежды на то, что с помощью «Восточного пакта» удастся создать полноценный стратегический буфер вдоль западной границы СССР. В расчётах штаба РККА начала 1935 г. Берлин уже фигурировал как главный источник военной опасности⁸⁶, подчёркивалась угроза со стороны «немецко-польского блока»⁸⁷. В выступлении на VII съезде Советов Молотов впервые публично подчеркнул военное значение «Восточного пакта», отметив нежелание Германии и Польши участвовать в нём⁸⁸. Советский Союз форсировал собственные военные приготовления. В конце марта в «Правде» вышла статья заместителя наркома обороны М.Н. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии», над которой в качестве редактора поработал Сталин. «Антисоветское острие гитлеровской политики, — утверждалось в статье, — является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на Западе (Бельгия, Франция) и на Юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»⁸⁹. Французам прямо указали на то, что дискуссия переходит из плоскости «коллекционирования пактов» в сферу военно-политического планирования.

16 марта Гитлер аннулировал военные статьи Версальского договора. В НКВД считали, что эта «бомба» станет «серьёзным предупреждением, доказывающим широким кругам французского общественного мнения необходимость сближения с СССР в расчёте на военную мощь Красной армии»⁹⁰. 22 марта, в преддверии визита в Москву британской делегации во главе с министром по делам Лиги Наций Э. Иденом, Литвинов представил Сталину и другим членам Политбюро записку, в которой намечались основные контуры советской позиции⁹¹. Констатировался кризис модели коллективной безопасности: арбитраж Лиги должен был сменить довоенную практику создания союзов, однако неэффективность инструментария международной организации сделала это невозможным. «Восточный пакт» в данной постановке наполнялся новым содержанием: предлагалось, не выходя формально за рамки устава Лиги, сделать соглашение независимым от решения международной организации, при этом сокращая число его участников. Главной целью виделось «расширение обязательств Франции по оказанию помощи на Прибалтику и предоставление немедленно помощи без постановления Совета Лиги»⁹².

⁸⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 94, л. 2.

⁸⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 106–107.

⁸⁶ Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 475–476.

⁸⁷ Кен О.Н. Мобилизационное планирование... С. 377–387.

⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 42.

⁸⁹ 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 529.

⁹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 185.

⁹¹ Хормач И.А. СССР в Лиге Наций... С. 71–73.

⁹² АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 94, л. 10.

В то же время нарком опасался, «что последний решительный шаг Гитлера окончательно запугает Лавалю и побудит его к ещё большим уступкам»⁹³. В конце марта ИНО НКВД передал информацию о продолжающихся франко-британских переговорах, которую Сталин оценил как «правдоподобную». «Предлагаемая Англией гарантия, — якобы заявлял Лаваль Идену, — никогда не была безусловной и вполне надёжной. Франция уже неоднократно заявляла Англии, что она готова отказаться от всех восточных союзов при условии других гарантий французской безопасности в форме франко-английского военного союза»⁹⁴. Советская карта могла использоваться в игре Парижа с Лондоном. Чтобы избежать этого, НКВД спешно формировал собственную повестку для переговоров.

14 марта Потёмкин пригласил Лавалю посетить Москву с целью фиксации договорённостей о пакте взаимопомощи. Вопрос о месте встречи носил для советской стороны принципиальный характер: попытку французского министра перенести её в Париж отвели⁹⁵. 28 марта глава МИД Франции согласился приехать в СССР, но лишь после завершения работы намеченной на середину апреля Стрезской конференции, где французская, британская и итальянская делегации собирались выработать совместную позицию по вопросу перевооружения Германии⁹⁶. Демарш Берлина заставил его действовать, игнорируя британские возражения.

30 марта Лаваль и Леже представили Потёмкину французский проект соглашения. Речь шла о заключении двусторонних договоров о взаимопомощи между СССР и Францией, СССР и Чехословакией, СССР и Италией «и другими странами на базе Устава Лиги Наций»⁹⁷. Оказание помощи в случае нападения на одну из договаривающихся сторон обуславливалось решением Совета Лиги. Предложения представляли собой минимальный общий знаменатель тех многосторонних обязательств, которые Франция формально и неформально несла в Европе в рамках системы коллективной безопасности.

Политбюро рассмотрело этот план и оценило его негативно. «Наша позиция, — писал Литвинов Потёмкину, — состоит в том, чтобы иметь пакт взаимопомощи на Востоке с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и Прибалтийскими странами»⁹⁸. К началу апреля шансов на то, что к «Восточному пакту» удастся привлечь Берлин и Варшаву, практически не оставалось. Однако советская дипломатия неизменно отказывалась публично признать обратное ввиду того, что «противники Восточного пакта и франко-советского сотрудничества использовали бы такое признание в своих целях»⁹⁹. Простой набор двусторонних договоров с европейскими странами Москву также не привлекал.

Ведя сложную игру, НКВД апеллировал к невоенному характеру пактов о взаимопомощи. Так, в беседе с Иденом 28 марта Литвинов заявил: «Ценность... всех вообще подобных пактов не столько в тех реальных гарантиях

⁹³ Там же, п. 113, д. 122, л. 126–127.

⁹⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 652.

⁹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 189.

⁹⁶ *Dessberg F.* Op. cit. P. 357–358.

⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 254.

⁹⁸ Там же. С. 259

⁹⁹ Там же. С. 267.

военной защиты, которые они санкционируют, сколько в том психологическом эффекте, который они создают в период до начала военных действий. Пакты взаимопомощи являются прекрасной превентивной мерой, они заставляют возможного агрессора десять раз подумать, прежде чем пустить в ход оружие»¹⁰⁰.

Одновременно французов подталкивали к военно-политическому союзу. В подробном виде позиция СССР изложена в заявлении Лавалю от 8 апреля. Констатируя отсутствие «сомнений в решении Германии и Польши не примыкать к Восточному пакту взаимопомощи», советская сторона обращалась к истории вопроса. Красной нитью проводилась мысль о том, что «первоначальная идея... возникшая по инициативе французского министра иностранных дел, имела в виду только сотрудничество обеих стран» и что «во всяком случае, участие в соглашении Германии и Польши не считалось обязательным». Обращаясь к французской стороне с вопросом, готова ли та «оставаться на базе предложения Поль-Бонкура и Барту», Москва, в частности, предлагала «немедленно приступить к заключению пакта о взаимной помощи войсками и всеми средствами экономических санкций с теми из ранее намеченных участников Восточного пакта, которые этого пожелают»¹⁰¹. При этом, вопреки отсылке к проектам 1933–1934 гг., советская позиция претерпела серьёзные изменения. 9 апреля Политбюро приняло резолюцию, внёсшую коррективы во французский план от 30 марта. В ней говорилось об «оказывании немедленной военной помощи до вынесения решения Советом Лиги в случаях несомненной агрессии» и «включении в пакт советского определения агрессии»¹⁰².

15 апреля советские поправки поступили французам. МИД оценил их как «замысел простого оборонительного союза»¹⁰³. Однако допустить срыв соглашения с Москвой Лаваль не мог. Конференция в Стресе закончилась без ощутимого результата, и перед Францией по-прежнему стояла необходимость отреагировать на германское перевооружение. Успешное завершение советско-германских кредитных переговоров подпитывало страхи возрождения Рапалло. Выход нашли в виде приложения к пакту: в протокол подписания предполагалось включить пункты, интегрирующие советско-французский пакт в существующую систему международных договоров.

18 апреля Лаваль и Потёмкин начали жёсткий торг. Французы согласились с тем, что договор должен вступить в действие немедленно при нападении на одну из сторон, но упорно настаивали на необходимости санкции Совета Лиги. Советская сторона подчёркивала, что «в своё время, когда Леже впервые предложил схему Восточного регионального пакта с подкреплением его франко-советским соглашением, последнее предполагало со стороны Франции гарантию СССР против нарушения Восточного пакта любым из его участников»¹⁰⁴. Речь, очевидно, шла о Польше как потенциальном участнике блока агрессивных держав, однако Париж, несмотря на сложные отношения с Варшавой, не спешил принимать советскую точку зрения. Споры вызвал вопрос о Прибалтике. Литвинов инструктировал Потёмкина: «Поскольку Франция... отказывается сохранить действие договора в случае нашей помощи Прибалтике, то и мы

¹⁰⁰ Там же. С. 234–235.

¹⁰¹ Там же. С. 274–277.

¹⁰² Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 322.

¹⁰³ AMAE. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 975. Conversations sur le projet soviétique remis a Genève le 15 avril 1935.

¹⁰⁴ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 111, д. 97, л. 12.

желаем освободиться от обязательств помогать Франции в случае, если бы она подверглась нападению со стороны Германии в результате помощи, оказанной Францией Бельгии»¹⁰⁵.

До последнего момента советские дипломаты ожидали вмешательства третьей силы. 25 апреля Потёмкин писал заместителю наркома Н. Н. Крестинскому: «По нашим сведениям, Бек предлагал Лавалю отказаться от франко-советского пакта [и] пообещал Лавалю, в дальнейшем, денонсировать польско-германское соглашение... Не исключено, что Бек вёл свои разговоры с Лавалем, выполняя польско-германский план, и что при этом упрочение польско-французского сотрудничества должно было послужить мостом к сближению Франции с Германией»¹⁰⁶. Это обстоятельство заставляло НКВД форсировать переговоры и идти на уступки, что вызвало нарекания в Кремле. 20 апреля Политбюро постановило направить Потёмкину следующую директиву: «Советуем не слишком ангажироваться на счёт соглашения с французами и не забегать вперёд, чтобы потом не получился у вас конфуз, если проект договора не будет одобрен в Москве. Второй раз предупреждаем Вас не забегать вперёд и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нуждаемся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые»¹⁰⁷.

2 мая Лаваль и Потёмкин подписали в Париже советско-французский пакт о взаимопомощи. В итоговом виде он касался лишь территории договаривающихся стран. Задействование гарантийных статей допускалось после соответствующего решения Совета Лиги или в том случае, если бы Совет не пришёл к единому мнению. Отдельная статья гласила, что достигнутые договорённости не могут противоречить обязательствам, «принятым ранее СССР и Францией по отношению к третьим государствам, в силу опубликованных договоров»¹⁰⁸. Именно она обесценила пакт как эффективный инструмент международной политики и превратила его «в шедевр галиматии»¹⁰⁹, привязав его к Локарнским соглашениям, главным гарантом которых являлась Великобритания. Ключи от советско-французского союза, таким образом, оказывались в Лондоне.

Советские дипломаты видели главный изъян документа — он не создавал механизмов успешного противостояния потенциальным агрессорам. Весной 1935 г. это обстоятельство играло большую роль. В парижском полпредстве пакт называли инструментом обеспечения «позолоченной изоляции» СССР. Французским разъяснениям не верили. «Оторвать СССР от рапальской политики ценой пакта о ненападении нельзя, — писал в дневнике сотрудник полпредства, — надо заплатить больше, но как можно меньше. Отсюда выдумки юристов, ссылки на Локарно, формула “ждать решения Совета” и т.п.»¹¹⁰. Однако Литвинов убеждал Сталина, что даже в таком виде советско-французский пакт соответствует целям внешней политики Москвы: сам факт его подписания охладит пыл возмутителей спокойствия на международной арене. «Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, — разъяснял нарком, — уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши и Японии»¹¹¹.

¹⁰⁵ Там же, л. 22–23.

¹⁰⁶ Там же, п. 110, д. 95, л. 135–136.

¹⁰⁷ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 325.

¹⁰⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 311.

¹⁰⁹ *Duroselle J.-B. La Décadence...* P. 142.

¹¹⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 110, д. 95, л. 139.

¹¹¹ Там же, п. 113, д. 122, л. 179–182.

Таким образом, позиция СССР несколько раз претерпевала серьёзные изменения. На первом этапе она во многом определялась НКИД, который с 1932 г. делал ставку на качественное развитие отношений с Францией. Литвинов понимал, что проекты Поль-Бонкура и Барту основаны на принципах, отличавшихся от стратегических взглядов Сталина и его ближайшего окружения, однако смог убедить советское руководство. Это сформировало в Москве и Париже различные ожидания, что проявилось в ходе дискуссии о формате участия Польши в системе коллективной безопасности. В НКИД видели разрушительный потенциал возможного конфликта для всей конструкции сближения и осторожно готовили почву для двустороннего договора без участия Польши и Германии. Барту смог убедить Литвинова в своей принципиальной позиции по германскому вопросу, что позволяло создать уникальный для 1930-х гг. формат доверительного взаимодействия между Москвой и одной из главных западных столиц.

Гибель Барту оставила без ответа вопрос о том, удалось ли бы сформировать эффективный советско-французский союз. Попытка его преемника подойти к выстраиванию системы коллективной безопасности с налаживания франко-германских контактов, с точки зрения Москвы, поставила под сомнение фундаментальные основы диалога, который вёлся с конца 1933 г. Метания французского министра, использовавшего тактику «мелких шагов»¹¹² навстречу основным международным игрокам, лишь укрепляли эти подозрения. Советская дипломатия перешла к блокированию возможностей франко-германского сближения, а затем — формирования новой версии «пакта четырёх».

Разочаровавшись в Лавале, НКИД перестал играть роль ретранслятора французских пожеланий высшему политическому руководству СССР и перешёл к форсированию военно-политического союза между двумя странами. Эти тенденции лишь ускорились в начале 1935 г., после того как Гитлер денонсировал военные статьи Версальского договора, а в Советском Союзе определили Германию и Польшу как основных потенциальных противников, резко активизировав военное строительство. На завершающем этапе переговоров, когда исчез субъект, заинтересованный в поиске общего языка между двумя проектами обеспечения европейской безопасности, советско-французские противоречия проявились в полной мере.

Несмотря на разъяснения Литвинова, в Кремле остались недовольны подписанным пактом. В ходе визита Лавала в Москву в мае 1935 г. французскому гостю прямо говорилось о советских ожиданиях: «Господин Сталин заявил, что полностью согласен с той пацифистской трактовкой франко-советского пакта, о которой я сказал. В то же время он уточнил, что в том случае, если мир не удастся сохранить, пакт может рассматриваться в качестве альянса; следовательно, чтобы обеспечить его миротворческую составляющую, стоит предвидеть худшее и уже сейчас предусмотреть технические возможности для его эффективного применения»¹¹³. Судьба союза в конечном итоге зависела от готовности французов пересмотреть устаревшие доктринальные основы своей внешней политики, однако в Париже её так и не проявили. Закономерным итогом этого стал провал заключительного раунда переговоров между СССР, Францией и Великобританией за считанные дни до начала Второй мировой войны.

¹¹² *Duroselle J.-B. La Décadence...* P. 123–125.

¹¹³ *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945. Vol. 1. P., 1951. P. 142–143.*